

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ КСЕНОФОБИИ В СРЕДЕ ОБЩИННОГО КРЕСТЬЯНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1920-е гг.*

В статье рассматривается проблема проявления ксенофобии в среде общинного крестьянства Северо-Запада России в 20-е гг. XX в. Автор приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период ксенофобия выступала, с одной стороны, как проявление трибализма, а с другой - как специфическая идеология, с помощью которой общинное крестьянство мобилизовало силы на борьбу с "чужаками".

Ключевые слова: ксенофобия, община, крестьянство, объекты ксенофобии, формы проявления ксенофобии

L.V. Alieva

TO THE POINT OF XENOPHOBIA DISPLAY IN THE ENVIRONMENT OF COMMUNAL PEASANTRY OF THE RUSSIAN NORTHWEST OF RUSSIA IN 1920th

The article covers the problem of xenophobia appearance in the environment of communal peasantry of the Russian Northwest in 1920th. The author comes to the conclusion that during the given period xenophobia acted, on the one hand, as display of tribalism, and, on the other hand, as specific ideology, by which the communal peasantry mobilized forces for struggle against "strangers".

Key words: xenophobia, community, peasantry, objects of xenophobia, forms of display of xenophobia.

Прежде чем обратиться к рассмотрению заявленной проблемы, необходимо определить, что же мы понимаем в данном случае под ксенофобией. Ксенофобия (от греч. ξένος - "чужой" и φόβος - "страх") - это *нетерпимость* к кому-либо или чему-либо *чуждому*, *незнакомому*, *непривычному*, которое воспринимается как непонятное, непостижимое, а поэтому опасное и враждебное. Эта нетерпимость проявляется в рамках конфессиональных, расовых, этнокультурных, социальных и др. конфликтов и актов насилия. Как социально-психологическое явление, ксенофобия коренится как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Люди на различных этапах развития общества склонны воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной группы, выступающей в качестве эталона или оптимума: "Мы" ("Свой") лучше, чем "Они" ("Чужие"). В данном случае под концептом "Мы" будет пониматься крестьянство, рассматривающее себя с точки зрения принадлежности к такому традиционному для данной социальной категории институту как крестьянская поземельная община, т.е. исторически сложившаяся форма совместного пользования землей и самоуправления крестьянства (в данном случае - Северо-Запада России).

Объекты ксенофобии. Корпус источников, отражающих проблемы функционирования крестьянской поземельной общины Северо-Запада России в 1920-е гг., позволяет определить круг лиц, относимых общинным крестьянством к категории "Чужие".

В трудах В.И. Ленина неоднократно звучала мысль о том, что пролетариат держит в руках власть и руководит ею, что он руководит крестьянством. Это позиция советского руководства иллюстрировала подчиненное положение абсолютного большинства населения страны - об-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 10-01-26108а/В).

щинного крестьянства. В сознании крестьян прочно коренилась мысль, что на их труде, как и в прежние времена, просто-напросто наживаются, не давая им ничего взамен. Только если раньше крестьянское недовольство выражалось, помимо правящей власти, в отношении помещиков, то с наступлением нового этапа в развитии государства обозначился новый социальный конкурент - рабочий класс, отрицательные оценки которого формировались сквозь призму экономических и культурных различий в образе жизни этих двух социальных групп.

Из выступлений крестьян следовало, что большевики вместе с меньшинством, представленным рабочим классом, сознательно проводили политику в ущерб интересам крестьян, приводившую к разорению их хозяйств. При этом крестьяне считали, что пролетариат имеет множество привилегий, пользуется большими политическими и социальными правами и проч. Поэтому нелицеприятные отзывы о рабочих звучали на сельских сходах, перевыборных собраниях, в письмах в газеты, в партийные и советские органы. Нередко в адрес рабочих раздавалась злобная, оскорбительная критика, сопровождавшаяся призывом к свержению диктатуры пролетариата. Необходимо отметить, что критика была характерна для всех имущественных категорий крестьянства, а не только зажиточных, и ее существование фактически отрицало тезис о союзе двух классов, об имеющейся смычке между городом и деревней.

Так, в отчете Северо-Западного областного бюро ЦК РКП(б) о партийной работе, политическом и хозяйственно-экономическом состоянии Северо-Западной области отмечалось, что "ревность крестьян к городским рабочим растет повсеместно" [5, ф. 9, оп. 1, д. 74, л. 38]. На общем собрании бедноты с. Свинорда Ниже-Шелонской сотни крестьянин Кулев говорил: "В Москве и Ленинграде рабочие - капиталисты, ибо получают по 100 рублей жалования и могут копить деньги, если бы не пьянствовали; нужно жалование рабочим сбавить и позаботиться о крестьянине" [1, ф. 128, оп. 1, д. 594, л. 81; д. 537, л. 200]. На подобном же собрании в д. Заполье Новгородского округа крестьянин Кузьмин заявлял, что "рабочим лучше живется, чем крестьянам, им увеличивают все жалованье, а с крестьян все сдирают, рабочие сидят на шее крестьянина" [1, ф. 128, оп. 1, д. 594, л. 80]. Об этом же рассуждал в августе 1925 г. на беспартийной крестьянской конференции Ашевской волости Новоржевского уезда Псковской губернии один из жителей д. Приветки, по словам которого нельзя говорить о действующем советском правительстве как о крестьянском, ибо оно является "правительством рабочих, последних и защищает: ведь мы не знаем случая, когда бы за недоимки у рабочих забирали самовар, шкаф, тогда как они получают в 12 раз больше крестьянина" [5, ф. 9, оп. 1, д. 1379, л. 160].

В августе 1926 г. в информационной сводке Псковского губкома ВКП(б) сообщалось, что в Полканской волости все социальные группы деревни поднимали вопрос о неравноправном положении жителей города и села, и что рабочие не помогают деревне, не повернулись к ней лицом [4, с. 226].

В 1928 г. середняк д. Окладнево Боровичского округа говорил: "Много у мужика наболело на сердце, но что зря говорить, если его слова останутся или непонятыми или, еще хуже, сосчитают за кулацкое подпевание. Нынче это можно. Как высказал недовольство против не порядков, что - вот этого не хватает, что - вот мужику тут тяжело, да и в другом месте не сладко, глядишь тебя скорехонько подкулачником посчитают. А мужик, хоть ему и трудно, все же терпит. Вот говорят о союзе рабочего с крестьянином, а этот союз мужику вот как на шее сидит" [2, ф. Р-1123, оп. 1, д. 11, л. 44].

Справедливости ради надо сказать, что неприятие рабочего класса крестьянством не было абсолютным. В крестьянской среде встречались люди, которые относили собственную неустраиваемость к результатам политики партии и ни косвенно, ни напрямую с пролетариатом их не связывали. Они, наверное, располагали и большим объемом информации о жизни рабочего класса в 1920-е гг., представители которого также высказывали недовольство собственным уровнем жизни в различных формах. Но мы не будем останавливаться на этом моменте, поскольку рассмотрение вопроса о проблемах быта и жизни пролетариата не входит в задачи данной статьи.

"Назначенцы" - еще одна категория граждан, попавших для крестьян-общинников в категорию "Чужие". Связано это было с неприязнью крестьянства к навязываемым сверху решениям,

кандидатам и проч. Партийно-советские местные органы власти предлагали крестьянам проголосовать за заранее внесенных в списки удобных коммунистов и им сочувствующих без всякого обсуждения кандидатур общественностью.

Так, по признанию секретаря Псковского губкома РКП(б) Струппа, до апреля 1925 г. в сельские советы коммунисты и комсомольцы избирали "сами себя". Согласно данным Новгородского губкома от 2 февраля 1925 г., во время избирательных кампаний деревенские коммунисты неумело подходили к крестьянам, "навязывали кандидатуры в волостные и сельские советы, а кое-где нарушали принцип выборности назначенством". К подобным выводам пришлось и Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) в ходе проведения обследования 6 волостей Ленинградской, Череповецкой, Новгородской и Псковской губерний [4, с. 16].

Такая система формирования сельских и волостных советов при административном нажиме и по классово-идеологическому принципу не только отталкивала крестьянство от участия в выборах, но и способствовала отчуждению "назначенцев" независимо от их личностных качеств. Крестьяне априори исходили из того, что снимают хороших людей, а назначают ничего не понимающих, у которых, естественно, не складываются отношения с крестьянством, не идущим на контакт и формулирующим причины этого в таких фразах: "Мы вас не выбирали", "Они не нами избраны, они чужие", "Чужих в волость людей назначают, не просясь у нас". В 1925 г. один псковский крестьянин на беспартийной конференции высказался следующим образом: "Почему нам самим не дают выбирать вики, а назначают из уезда, да еще таких, которые не знают крестьянской жизни. Каждый год новый председатель только дело портит" [4, с. 18].

Во многом общинное крестьянство противопоставляло себя и сельским коммунистам. "Пришлый", городской состав многих членов деревенских коммунистических ячеек, наличие в них люмпенизированных крестьян, не умеющих и не желающих, по мнению общинного крестьянства, работать на земле, командно-административные методы управления - все это отталкивало основную массу крестьянства от большевиков. Об этом свидетельствуют не только заявления крестьян на сельских сходах, но и официальные документы региональных партийных органов.

В материалах Новгородского губкома РКП(б) в середине 1920-х гг. неоднократно подчеркивалась оторванность местных большевистских организаций от крестьянского населения. Например, 1 июля 1925 г. Новгородский губком РКП(б), анализируя деятельность коммунистических организаций за февраль-апрель, констатировал сохранение негативной реакции сельчан на работу деревенских большевиков, поскольку побывавшие в деревнях сорок ответственных уездных и губернских работников единогласно заявляли о том, что "ячейки с массами не связаны, авторитетом не пользуются".

Об утрате связей с населением неоднократно сообщалось и в материалах Псковского губкома РКП(б) в изучаемый период. Например, инструктор губкома партии Я.А. Витоль после проверки Жадринской волостной ячейки Новоржевского уезда в 1925 г. пришел к выводу, что она не имеет связи даже с беспартийными крестьянами, включая бедняков. 16 марта 1925 г. секретарь Псковского губкома РКП(б) Струппе в своем письме в вышестоящие органы признавал: некоторые деревенские ячейки разложились, а коммунисты остались изолированными от лучшей части крестьянства.

Причины сложившейся ситуации в Северо-Западном бюро ЦК РКП(б) в 1925 г. видели в социальном составе сельских коммунистических ячеек, в которых крестьяне составляли 10%, а остальные 90% были людьми "пришлыми", а не местными гражданами. Отчужденность основного местного населения от деревенских коммунистов имела место и в других районах РСФСР, а не только в Северо-Западной области.

Следует подчеркнуть, что конкретные объекты ксенофобии у разных групп и индивидов могут варьироваться. В нашем случае это означает, что представители различных категорий крестьянского населения могли индивидуально противопоставлять себя и другим "чужим", но вот единым фронтом, консолидировано они выступали против рабочих, "назначенцев" и местных коммунистов, которых большевистская партия и советское правительство стремилось использовать в достижении безусловно великих государственных целей, но за счет средств крестьян.

Формы проявления ксенофобии в отношении вышеназванных "Чужих" были довольно разнообразны, что позволяет их классифицировать.

К вербализованным формам, на наш взгляд, следует отнести: устные высказывания негативного характера на сельских сходах или выборных собраниях, критические высказывания в адрес кандидатов на различные должности, антиизбирательные суждения, отвержение отдельных кандидатов или списка кандидатов на выборных собраниях, отстаивание своих кандидатов, отстаивание своих конституционных и гражданских прав, выдвижение лозунгов, отказ от голосования, вопросы кандидатам, письменные заявления в вышестоящие органы, письма в газеты, протесты, жалобы в волисполком и др.

Невербализованными формами демонстрации нетерпимости являлись электоральный абсентеизм, отмена итогов голосования, срыв собраний, намеренное затягивание времени проведения собраний, использование законных методов давления на власть, угрозы физической расправой.

Приведенная классификация весьма условна и в полной мере не позволяет провести разделительную черту между двумя названными группами, поскольку разные виды ксенофобии, как правило, пересекаются, сливаясь в единое целое. В нашем случае, для анализа форм проявления враждебности в отношениях между общиной и чуждыми ей элементами окружающего социума следует использовать системно-многофакторный подход, что должно стать предметом отдельного изучения, в рамках которого следует, на наш взгляд, предпринять попытку классифицировать упоминаемые в источниках формы проявления ксенофобии в рамках различных бинарных оппозиций: легитимные - нелегитимные; подготовленные - стихийные; индивидуальные - коллективные; документированные - недокументированные; пассивные - активные и др.

Исходя из тезиса о том, что носителями и проводниками ксенофобии являются прежде всего те слои и группы, которые чувствуют угрозу своей социальной идентичности и боятся подчинения и поглощения более мощными силами, одним из факторов, способствовавших появлению фронтального противопоставления крестьянства чуждым ему элементам, следует считать государственную политику по отношению к общинному крестьянству.

Несомненно, что новое экономическое регулирование крестьянского хозяйства в период НЭПа при всех его ошибках и просчетах, а также неоднозначной социально-экономической эффективности имело большое значение для экономического роста страны, для улучшения уровня жизни населения, прежде всего городского. Но разве могли политически неграмотные крестьяне осознать задачу государственной важности? Ведь о том, чтобы накормить голодную деревню в трудные времена, по мнению самого крестьянства, мало кто заботился [1, ф. 144, оп. 1, д. 412, л. 3]: "Дело власти лишь бы побольше взять, а как мужику живется никому нет дела. Мы что, вот здесь, в читальне поругаемся, покричим и разойдемся, а кому какое дело, что мы волком от нужды воем" [2, ф. Р-1123, оп. 1, д. 11, л. 12]. Поэтому в рассуждениях крестьян довольно часто и проводится сравнение со старой властью и прежними порядками в деревне (в Старорусском уезде Новгородской губернии вопрос обсуждался в плоскости: что лучше: царь или советы? [5, ф. 9, оп. 1, д. 74, л. 39], и хотя предпочтения прошлому не наблюдается - слишком близким и хорошо знакомым было еще это прошлое, сопоставление подчеркивает тяжесть настоящего, ничуть не улучшившего хозяйственного социального положения деревни после революции. "Когда мы дураки нужны были революцию делать, то нам кричали, что земля крестьянам будет без выкупа, а теперь, после революции, за ту же земельку снова дерут, да еще побольше, чем раньше. Как раньше мужика земелька мучила, так и теперь она его в гроб загоняет. Фабрики-то рабочие получили, они и живут, а вот мужика-то в старый хомут только с другой стороны загнули... Мужик остался обойденным", - говорили на собрании в д. Окладнево Боровичского района [2, ф. Р-1123, оп. 1, д. 11, л. 12]. "При Советской власти крестьянскому хозяйству нельзя богатеть и развиваться - за все дерут. Лучше отберите от нас земельку, а нас возьмите к себе в работники", - заявляли крестьяне д. Городок Рождественского района [2, ф. Р-1123, оп. 1, д. 11, л. 13].

Подобная критика с точки зрения крестьянина абсолютно объективна и справедлива, поскольку в оценке своего существования и анализе политических мероприятий в отношении села,

он исходил, прежде всего, из представлений о личном материальном благе, а не с позиций общегосударственных интересов. Иными словами, в данном случае имел место ярко выраженный эгоцентризм.

Еще одним фактором, способствовавшим формированию отчужденности крестьянства в отношении названных категорий граждан, была его принадлежность к общине. Характерными чертами крестьянской общины в рассматриваемую эпоху являлись автаркичность, замкнутость, противопоставление себя внешнему миру, зачастую непримиримое. Локализм крестьянского мира в условиях военного разорения и усилившегося нажима со стороны государства ожил в порядке естественной и адекватной защитной реакции, противопоставив себя государственности. Как мы знаем, государство в 1920-е гг. искало и нашло способ борьбы с общинным локализмом.

Таким образом, в рассматриваемый период ксенофобия выступала, с одной стороны, как проявление трайбализма, желания любой ценой сохранить свои "исконные" свойства, а с другой - как специфическая идеология, с помощью которой общинное крестьянство мобилизовало силы на борьбу с "чужаками". Образ символического врага при этом демонизировался и надеялся всевозможными пороками.

1920-е гг. были чрезвычайно сложным, во многом противоречивым и вместе с тем интереснейшим периодом отечественной истории. Крестьянин зачастую проявлял себя в мозаике событий этого периода времени индивидуально, не прикрываясь мнением общества или большинства. Расслоение сознания членов крестьянского сообщества, поляризация мнений крестьян о происходящем в целом в стране или в своей деревне является косвенным свидетельством расслоения прежнего общинного сознания. И все же все сферы жизни крестьянского сообщества пронизывало групповое общинное сознание. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально, сознание, ориентированное на идущие истари традиции и идеалы [3, с. 26].

Для крестьянина община являлась целым миром, и людей он делил по степени принадлежности к этому миру на "чужих" и "своих". Проводимая партией и правительством политика в отношении деревни воспринималась крестьянином через призму общинного сознания, поскольку община была институтом социализации отдельного индивида, и внешнему миру крестьянин противостоял не как отдельный индивид, а через общинную организацию. С малых лет он воспринимал в виде непреложных законов естества порядки, обычаи и традиции своей общины и нарушение этих традиций со стороны государства порождало неприятие политики государственной власти.

Источники и литература

1. ГАНИНО - Государственный архив новейшей истории Новгородской области.
2. ГАНО - Государственный архив Новгородской области.
3. Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.): Материалы международной конференции. Москва. 14-15 июня 1994 г. М., 1996.
4. Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921 - 1927). Т. 2. СПб., 2007.
5. ЦГАИПД СПб - Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга.